

УДИВИТЕЛЬНОЕ искусство театр. Все в нем как будто известно нам до мельчайших подробностей и деталей. Но начинается спектакль — на сцену выходит талантливый, интересный артист, и происходит то обыкновенное чудо, к которому нельзя привыкнуть, хотя свершается оно уже несколько тысяч лет. Актер превращается в другого человека. И дело не в том, что меняются костюм, походка, жесты. Нет, артист изменяется внутренне, он раскрывает перед нами духовный мир своего

лиц в артиста — художника.

Марковича привлекают душевная красота, высокая нравственность во внешне обыденном, будничном и даже неприметном. Он любит эти контрасты, он говорит нам: не спешите судить — то, что внешне кажется тусклым, серым, таит в себе духовные богатства. Умейте не смотреть, но видеть.

Так сыграл Маркович маленькую роль коменданта общежития в спектакле «Орфей». Роль была маленькая, а рассказал ар-

тист (и неиссякаемого оптимизма (жизнь продолжается, жизнь хороша) — все это слилось в цельный образ нашего современника.

Свою тему артист развивает и в классическом репертуаре. Его Тристан («Собака на сене») не традиционный слуга — плут, слуга-проньера испанской комедии, а много повидавший, много переживший, узнавший жизнь во всех ее проявлениях человек. Но не потерял Тристан оптимизма, веры в настоящую любовь, в человечность.

бе, не способному что-либо изменить.

Оригинально решенная и точно сыгранная роль.

Как артист высокопрофессиональный, Маркович умеет работать в любой манере. Образы, о которых говорили, сыграны в психологическом плане. Жанدارмский вахмистр из спектакля ТЮЗа «Бравый солдат Швейк» сыгран гротескно, приемами острой характерности, но абсолютно внутренне правдиво.

У вахмистра усы, которые, очевидно, когда-то браво торчали, а сейчас уныло свисают вниз. Спущенные короткие волосы — бывший ежик, страшно потертый мундир. Многолетняя служба в жандармерии выработала в нем удивительные свойства. Любой абсурд, любую чепуху он принимает как нормальное явление, даже как государственную необходимость. Швейк — русский шпион! Идиотская версия, придуманная вахмистром. Но чем же иначе можно объяснить неудачи имперских войск? А обычные, естественные поступки и явления он понять не в состоянии.

— У меня не было денег на билет, — объясняет на допросе Швейк. — Я хочу есть. Мне надо до ветра.

Все это вызывает у вахмистра неподдельное изумление: «Почему? Зачем?». В этих вопросах, великолепно, каждый раз по-иному произносимых артистом, в бессмысленной логичности вахмистра раскрывается тупость не только этого служаки, но и абсурдность, алогичность всей представляемой им системы.

Блестяще сыгранная эпизодическая роль.

Вспомнились эти пять ролей... Но ведь это роли не просто хорошо сыгранные. Они созданные. А артиста, как писал К. С. Станиславский, надо ценить не по числу сыгранных, даже хорошо, ролей, а только по созданным.

Будем ждать новых. Ведь разгадывание тайны — человек — продолжается. С какой человеческой судьбой познакомит Маркович зрителей ТЮЗа в новом спектакле? Артист много успел сказать молодежи о сложном внутреннем мире людей. Что еще скажет? Вот это-то и интересно!

Л. БРАИЛОВСКИЙ.

ТЕАТР

ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТВОРЧЕСТВЕ
ЗАСЛУЖЕННОГО АРТИСТА РСФСР
ГРИГОРИЯ ЯКОВЛЕВИЧА МАРКОВИЧА

героя — его мысли, чувства, переживания, совершенно отличные от своих собственных. Перед нами знакомый незнакомец.

И очень часто после таких встреч вспоминаются замечательные слова Ф. М. Достоевского: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком».

Около тридцати лет — сначала в таганрогском театре, а затем на сцене Ростовского театра юного зрителя, постигая различные человеческие характеры и судьбы, занимается разгадыванием этой увлекательнейшей тайны заслуженный артист РСФСР Григорий Яковлевич Маркович. Сыграно громадное количество ролей. Во многих артист достигал подлинного перевоплощения. Но в сложном, многослойном мире, который показывает театр, в сотнях чужих жизней, прожитых Марковичем, у артиста есть проблема важнее, дороже. Есть своя тема, в которую он вкладывает себя, свою личную исповедь, свои гражданские позиции. Именно наличие своей темы превращает актера, лицедея, человека с тысячью

тис о своем герое много интересного. Был комендант пожилым, суевым, заматанным множеством дел человеком. Говорил плохо, коряво, вызывая нередко смех. Но в душе этого внешне нескладного, прозаического работника жила поэтичность (его увлекали и волновали хорошие песни), заинтересованность жизнью. Комендант вряд ли читал Горького, но мог с полным основанием сказать словами писателя о своем «желании вмешаться в самую гущу жизни, месить ее так и эдак».

И вмешивался. Хорошо делая свое не очень увлекательное дело, он помогал ребятам лучше устроиться, беспокоился об их судьбах, беседовал с ними, толково советовал, направлял.

С БОЛЬШОЙ душевной теплотой и щедростью, в мягкой экцентрической манере, которую артист очень любит, сыгран старик грузин Амбако в спектакле «За рекой моя деревня».

Любовь к родной деревне, к земле, возраст, национальность, передаваемая особенностями темперамента контрасты вспыльчивости и выдержки, мудрости и почти детской непосредственности, печали (много лет, и жизнь

Для героев Марковича эти качества всегда очень важны. Вначале Тристан с иронической усмешкой наблюдает за любовными метаниями Теодоро. Но когда он убеждается в искренности любви Дианы и Теодоро, то помогает им, устраивает их счастье, теперь уж добродушно подсмеиваясь над людьми, с трудом преодолевающими словесные преграды. Так Маркович дал свое, новое толкование роли, сыгранной многими выдающимися мастерами сцены.

В таганрогском спектакле «Три сестры» чеховские герои, сталкиваясь с пошлостью, грязью обывательщины, не могли больше терпеть. Они не тосковали, а возмущались, ожесточались. Готов был духовно взбунтоваться даже Чебутыкин — Маркович. Печально смотрел старик на гибель надежд близких людей. И росло в нем возмущение. На свою жизнь он давно махнул рукой — пропала, но сестер было жалко. Его привычное «все равно», которое во всех других спектаклях обычно звучало как выражение духовной опустошенности Чебутыкина и его полного безразличия ко всему происходящему, у Марковича звучало иначе — боль, протест, проклятие уродливой жизни, самому се-